

АҔСНЫ АҔЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АҔСУАҔЦААРАТӘ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

АҔСУАҔЦААРА АБХАЗОВЕДЕНИЕ

Археология
АҔоурых
Аетнология

Археология
История
Этнология

Атыжьра
XII
Выпуск

Ақәа – Сухум
АБИГИ
2022

Д. А. Канделаки¹

ДРЕВНИЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ: К ПРОБЛЕМЕ САМЫХ РАННИХ ЭТАПОВ

Изучение этногенеза и этнической истории всегда были центральными проблемами кавказоведения. Они разработаны, но далеко не все их аспекты могут считаться решенными. Среди них следует назвать ранние этапы, отстоящие от нашей современности на многие тысячелетия и относящиеся к еще дописьменному периоду истории, к эпохе палеолита, мезолита и неолита. Подобная ситуация вполне объяснима тем, что для ранних этапов человеческой истории характерно сужение потенциальных источников реконструкции, которые ограничиваются всего лишь данными археологии и антропологии. Косвенно в меньшей степени сюда могут быть привлечены данные лингвистики и этнографии, а о таком важном историческом источнике, как письменный не может быть и речи.²

При изучении проблем древнейших этногенетических связей важно выяснить, каковы их самые начальные этапы, каков их характер и механизм.

Изучение самых ранних этапов этнической истории продиктовано и проблемой поиска самого истока всего того этнокультурного и этнолингвистического многообразия, которое представлено в современную эпоху на Кавказе. Следует выяснить, когда, где и в каких исторических условиях протекали самые ранние этапы становления этнических общностей. Были ли отдельно взятые современные этнолингвистические группы Кавказа изначально населенниками данной территории или им предшествовал более древний субстрат, если да, то какой.

¹ Канделаки Давид Автандилович, м. н. с. отдела истории АБИГИ АНА, главный хранитель Пицундского археологического музея. E-mail.: david_kandelaki@mail.ru

² Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. – М., 1989. С. 152 -153.

Сложно сказать, когда начался процесс сложения этноязыковых общностей на территории Кавказа. Неандертальский человек в силу анатомических особенностей не мог обладать человеческой речью в подлинном смысле, так как у него для этого отсутствовали соответствующие артикуляционные предпосылки, и речь неандертальцев базировалась на иных звуковых принципах.¹ Так что подлинную человеческую речь можно связать только со становлением анатомически современного человека. Таким образом, на мой взгляд, хронологическим рубежом начала этногенеза на Кавказе, как и в других областях, следует считать эпоху верхнего палеолита, когда на историческую арену выходит *Homo sapiens*. Географическая локализация Кавказа к ближайшим очагам сапиентации, расположенных в Северо-Восточной Африке и на Ближнем Востоке, дает основание считать, что на Кавказе самое раннее проникновение уже первых незначительных групп *Homo sapiens* происходило намного раньше верхнего палеолита и, видимо, падает на средние этапы мустье. Именно «момент возникновения» вида *Homo sapiens* и следует считать той гранью, отделяющей «этническую» стадию от «доэтнической», а сами хронологические рамки выглядят несколько «размытыми» и сопряжены с процессом «сапиентации». Определение хронологического рубежа начала проникновения на Кавказ первых представителей вида *Homo sapiens* и следует считать точкой отчета начала этногенетического оформления древних коллективов. Для Кавказа эта граница колеблется пока в пределах 45 – 35 тыс. лет.²

Сложно пока что-либо сказать об этническом и языковом облике создателей верхнепалеолитических культур Кавказа. Данная проблема связана с вопросом характера сложения этнолингвистических общностей, был ли этот покров моногенным и существовали уже в означенное время единый этнокультурный и этнолингвистический массив или, наоборот, вся эта территория была заселена слабо связанными между собой общинами. Или, напротив, он характеризовался постепенным переходным языковым ландшафтом, именуемым первобытной лингвистической непрерывностью. Ответить на этот вопрос пока современная наука не может, но симптоматично данные по археологии каменного века скорее свидетельствуют о том, что самые ранние так называемые «передовые группы» *Homo sapiens*, уже проникавших сюда в эпоху мустье, имели различные генетические и территориальные истоки своего происхождения.³

¹ Вишняцкий Л.Б. Происхождение языка: современное состояние проблемы (Взгляд археолога) // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 48–63.

² Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человечества. М., 2004. С. 329.

³ Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии // Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 5. – СПб., 2007. – 336 с.; Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позд-

Это подтверждается еще и тем, что уже с самого начала формирования *Homo sapiens*, процесс его проникновения на территорию Кавказа не был, если так можно сказать, «одновекторным». То есть с самого начала могли происходить перемещения на эту территорию, как из Передней Азии, так и из Восточной Европы, что особенно хорошо прослеживается по данным палеоантропологии. Так, памятники верхнего палеолита Северо-Западного Кавказа нередко преподносят нам останки древних людей, которые больше тяготеют к центрально-западноевропейским формам, в то время как находки из Закавказья имеют переднеазиатские параллели.¹ Однако в целом более ранние истоки формирования *Homo sapiens*, несомненно, следует искать на юге. Данные палеоантропологии свидетельствуют о наличии для верхнепалеолитической эпохи еще не выраженных антропологических типов, когда расовый покров еще не был полностью сформирован или был «пока» не соответствующим современным расовым группировкам. Если подобное имело место, то не исключено, что аналогичная картина могла быть и с языковым покровом. То есть для верхнего палеолита и отчасти мезолита следовало бы допускать наличие языков, языковых групп и семей, которые не имели аналогий с современными языками и не соответствовали современным лингвистическим группам и семьям. Касаясь непосредственно нашей территории, об антропологическом типе ранних насельников Кавказа мы можем судить с трудом. Речь скорее может идти о каких-то еще недифференцированных евро-африканских или протоавстралоидных формах. Но не исключается и наличие, собственно, древних представителей европеоидной расы, например, для ряда пещерных памятников Северного Кавказа.² В соседнем Крыму, например, отмечено сосуществование кроманьонских и евро-африканских форм.³

О том, каков был древний этнолингвистический ландшафт Кавказа в эпоху верхнего палеолита, можно косвенно судить и по данным современной первобытной ойкумены. Известно, что в ряде районов мира на весьма ограниченной территории сосуществуют множество этнолингвистических группировок, отдельных этноязыковых семей и даже ни одна макросемья, как например, на острове Новая Гвинея. Степень языкового

него плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб., 2008. С. 113.; Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: Поиск Российских ученых. – СПб., 2008. – 179 с.

¹ Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человечества. – М., 2004. С. 329.

² Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. (Современный и ископаемый человек). – М., 1955. С. 256-259.; Соловьев А.Н., Орелкин В.С. Находки костей человека в гроте Хупынипшавха (Холодный грот) в Абхазии // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 6. С. 145.; Харитонов В.М. Кавказ в палеолите: обзор находок и идей // Экология человека в прошлом и настоящем. – М., 2004. С. 49-50.

³ Бадер Н.О. Поздний палеолит Кавказа // Археология СССР. Палеолит СССР. М., – 1984. С. 272-301.

родства между ними практически невозможно установить, что поражает при наличии их очень близкого ареального расположения и общего генетического истока популяций носителей этих языков. По-видимому, такая ситуация могла существовать и на Кавказе, и в других областях в целом, но это не может быть точно установлено. Еще сложнее провести прямую аналогию между древними языками Кавказа и современными этнолингвистическими группировками на его территории. Для этого требуется установление нижней границы образования современных этнолингвистических группировок Кавказа, а также формировались ли они на месте или связаны с миграцией из соседних областей. Ни данные лингвистики, ни данные археологии, ни данные палеоантропологии не фиксируют субстрата более древнего, чем северокавказский, очевидно таковой просто отсутствует. Значит, в целом нельзя исключать и прямой этнолингвистической преемственности древнего населения Кавказа с той этнолингвистической общностью, которая ныне представлена на Кавказе, а именно – северокавказской.¹

Тем самым нет никаких оснований отрицать, что на Кавказ уже могли проникать группы населения, говорившие на каких-то древних прасеверокавказских языках². Сложно сказать, были ли они первоначальными насельниками, языки которых формировались в областях к югу от Кавказа, а затем в эпоху верхнего палеолита уже «в готовом виде» пришли с их носителями, первыми группами *Homo sapiens*, или, напротив, как отмечалось выше, складывались из множества не дошедших до нас отдельных изолированных языков, которые в процессе контактов и сформировали древний прасеверокавказский этнолингвистический покров.

Вопрос о локализации прародины прасеверокавказской общности осложняется и представлениями о «первичной» прародине, той макросемьи, в которую она входит, в частности синно-кавказской. Время существования этой макросемьи примерно определяется возрастом 10–9 тыс. лет назад (по другим данным 9–8 тыс. лет).³ Но, скорее, она несколько древнее, так как в местах более позднего бытования ностратических семей мы

¹ Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми, 1976. – 464 с.; Джапаридзе О. М. На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тб., 1989. – 422 с.

² Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964. – 240 с.; Анчабадзе З. В. Очерки этнической истории абхазского народа. Избранные труды в двух томах. Т. II. – Сухум, 2011. – 349 с.; Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми, 1976. – 464 с.; Джапаридзе О. М. На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тб., 1989. – 422 с.; Джапаридзе О. М. К раннему этногенезу кавказских племен. Историко-филологические разыскания. Часть I., – Тб., 1980. С. 29.; Арутюнов С. А. Глоттогенез и этногенез на Кавказе. Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. – М., 1994. С. 117-131.

³ Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. Труды по языкознанию. – М., 2007. С. 147-246.

встречаем более раннее доностратическое, вероятно, прасинокавказское население.¹ В целом эта дата близка к финалу верхнего палеолита и начала мезолита. Это подтверждается и наличием в прасинокавказском языке элементов культурной лексики зарождающейся протоземледельческо-скотоводческой экономики, зачатки которой на Ближнем Востоке мы уже находим в недрах раннего мезолита. Похожую лексику определяют и для праафразийской общности. По-видимому, лингвисты фиксируют культурные компоненты в языках этих общностей как бы накануне завершающего их развития, как бы накануне их распада.² Если учитывать, что в свете данных современной лингвистики, существование прасинокавказской или денекавказской макросемьи уже не вызывает сомнений и может считаться строго доказанной, то проблема ее локализации до сих пор не решена. Прародину этой макросемьи ищут то в Центральной Азии, то в Юго-Восточной Азии, а то и в области древней Берингии, но большинство специалистов склонны считать этой прародиной древнюю Переднюю Азию.³

Необходимость определения локализации прародины прасинокавказской макросемьи, в конечном счете, важна для определения того пространственного (ареального) очага, где имел место процесс дивергенции, собственно, прасеверокавказской общности. Соответственно с этим будут определяться пути проникновения этой общности на Кавказ. По мнению автора, прасинокавказская общность уже в эпоху верхнего палеолита охватывала области, как Передней Азии, так и Кавказа. Это не исключает вероятности того, что заселение Кавказа в действительности происходило древними носителями синно-кавказской макросемьи языков, которые, возможно, здесь же, на Кавказе, и дали начало формированию прасеверокавказской ветви синнокавказской макросемьи.

Эпоха мезолита в целом привела к складыванию новой этнокультурной ситуации, что было вызвано перестройкой всех экологических систем и соответственно стратегии жизнеобеспечения древних мезолитических

¹ Яхонтов С. Е. Прародина ностратических языков. Конференция. Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Тезисы докладов. – М., 1991. С. 13-17.

² Пейрос И.И. О соотношении археологии и лингвистики при изучении производящего хозяйства // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 126.; Шнирельман В.А. Археология и лингвистика: проблема корреляции в контексте этногенетических исследований // Горизонты антропологии. – М., 2003. С. 78-82.

³ Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. – М., 1983. – 197 с.; Дыбо В.А., Пейрос И. И. Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник Российской Академии Наук. 1985. № 2. С. 55-66.; Романчук А. Прародина сино-кавказской языковой общности: проблема локализации // Четвертые Торчиновские чтения. Филология, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. – СПб., 2007. С. 465-472.

коллективов. В итоге она выразилась в начале доместикации животных и растений.¹ Возможно, именно тогда начинается распад крупнейших макросемей, к примеру, синно-кавказской, ностратической, афразийской. Так, по предположению специалистов, набор наиболее ранней культурной лексики в праафразийской и прасинокавказской дает возможность уже в мезолите локализовать последних по соседству на Ближнем Востоке.²

Так, скорее всего, синно-кавказская макросемья локализовалась по линии Анатолия – Кавказ (во всяком случае, Южный) – Загрос – Иран. Окончательное обособление звеньев этой макросемьи, видимо, произошло в мезолите. Самыми первыми дивергировала семья на-дене, чуть позже произошло обособление синнотибетской, енисейской и бурушаско-верикшской общностей и ряда других языков. Вопрос о времени дивергенции самой прасеверокавказской общности пока не может быть решен однозначно, и у специалистов нет единого мнения о хронологических границах ее формирования. В целом, по данным историко-лингвистических реконструкций, она находится в рамках от энеолита до ранней бронзы, то есть где-то в пределах VI–V вв. до н. э.³ Вряд ли стоит слишком омолаживать возраст существования прасеверокавказской общности, доводя его до периодов ранней бронзы, скорее, более логично считать такими хронологическими рубежами, как это указано выше, ранний мезолит, а местом формирования сам Кавказ. Правда, существует мнение о вероятности локализации первоначальной прародины прасеверокавказской общности в областях Северной Анатолии и даже на Балканах.⁴ Не исключено, что какая-то часть носителей прасинокавказской макросемьи, включая и некоторые прасеверокавказские группы, частично освоили европейское Средиземноморье. Наследием этих же передвижений были доиндоевропейские субстраты на этой территории, частично сохранившиеся, возможно, в лице древних басков. Следы этого пласта как будто бы фиксируются даже в Северном Причерноморье и Подунавье, в Карпатах и на Балканах.⁵

¹ Формозов А.А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // Советская археология. 1963. № 4. С. 183-187.; Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. – М., 1977. – 143 с.

² Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика // Труды по языкознанию. – М., 2007. С. 256-264.

³ Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. – М., 1985. С. 74-94.; Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы. Труды по языкознанию. – М., 2007. С. 312-358.

⁴ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. – 398 с.; Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. по данным археологии, лингвистики и мифологии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. – М., 2009. С. 121-142.

⁵ Баюн Л. С. Древняя Европа и индоевропейская проблема. История Европы. Т. I. Древняя Европа. – М., 1988. С. 97-100.; Зыцарь Ю.В. О родстве баскского языка с кавказскими //

Несомненно, области, непосредственно примыкающие к Кавказу с юга, включая сюда Анатолию, Армянское нагорье, Загрос и, видимо, Северо-Западный Иран и Южный Прикаспий могли целиком входить в зону расселения прасеверокавказской общности. Возможно, географическая близость праафразийцев и прасинокавказцев говорит о расположении первых в более южных областях, в районе Палестины, откуда праафразийцы освоили Африканский континент и Аравию. Об этом в частности свидетельствуют и субстратные связи и корреспонденции между отдельными членами прасеверокавказской общности и афразийской макросемьи. Так, лингвисты обнаруживают языковые контакты, с одной стороны, между праабхазо-адыгами и ливиио-гуанскими группами афразийской макросемьи, а с другой – между пранахско-дагестанцами и с семитской, чадской и кушитской семьями афразийской макросемьи.¹ В этой связи интересно отметить, что языковые корреспонденции праабхазо-адыгов с ливиио-гуанчской группой дают право допускать вероятность локализации этих контактов в широком ареале Восточного и даже Западного Средиземноморья, тем более что отсутствуют контакты праабхазо-адыгов с другими членами афразийской макросемьи. Но это только в том случае, если отвлечься от первичной локализации праафразийцев на Ближнем Востоке и если датировать эти контакты временем после ухода ливиио-гуанчей с первоначальной ближневосточной прародины.

По-видимому, еще одну общность высокого таксономического ранга – ностратическую – следует в целом локализовать во всей приледниковой зоне, что подтверждается, по мнению некоторых специалистов, наличием наиболее архаических элементов в языках именно уральской семьи, которая осталась на первоначальной ностратической прародине после дивергенции остальных звеньев ностратической общности.² Но ее основное ядро, видимо, располагалось по линии Средняя Азия – Казахстан – Поволжье – частично Восточная и Центральная Европа. Предполагают,

Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 52-64.; Иванов В. В. Древневосточные связи этрусского языка. Древний Восток этнокультурные связи. – М., 1988. С. 208-218.; Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. – 398 с.; Яхонтов С. Е. Прародина ностратических языков. Конференция. Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Тезисы докладов. М., 1991. С. 13-17.; Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э. по данным археологии, лингвистики и мифологии // Краткие сообщения института археологии. Вып. 223. – М., 2009. С. 121-142.

¹ Миллитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика // Труды по языкознанию. – М., 2007. С. 256-264.; Дыбо В.А., Пейрос И. И. Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник Российской Академии Наук. 1985. № 2. С. 55-66.

² Яхонтов С. Е. Прародина ностратических языков. Конференция. Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Тезисы докладов. – М., 1991. С. 13-17.

что ностратическая семья освоила эти зоны еще в верхнем палеолите и была несколько в стороне от процессов становления земледельческо-скотоводческой экономики эпохи мезолита и неолита. И приобретения этих навыков происходило после дивергенции ностратической макросемьи самостоятельно отдельными ее звеньями.¹ В то время, как создателями земледельческо-скотоводческой экономики на Ближнем Востоке являются праафразийская и прасинокавказская общности.

Уже «накануне» неолита происходит процесс возникновения производящей экономики.² Население переходит к оседлости. Однако миграции с Ближнего Востока имеют место. Меняется стратегия расселения и поселений. Видимо, надо говорить не о каких-либо массовых переселениях, а лишь о постепенном освоении земледельцами и скотоводами периферийных территорий, в основном с аналогичными природно-климатическими условиями.³ Судить о том, какова была этнолингвистическая ситуация, сложно, но, скорее всего, образ хозяйствования способствовал обособлению и формированию крупных земледельческо-скотоводческих общин. Некоторые поселки насчитывали несколько тысяч жителей. Скорее всего, это отдельные крупные поселения, нередко слабо между собой связанные на периферии, хотя контакты, естественно, были. Видимо, в то время формируются отдельные этнолингвистические группировки, и на смену первобытной лингвистической непрерывности приходят изолированные группировки. Каков был покров в то время, отдаленно напоминает нам то, что известно по этнокультурной ситуации на древнем Ближнем Востоке. Там существовали этнолингвистические группы, мало между собой связанные в культурном отношении, по сути, являвшиеся лингвореликтами-изолятами: хаттский язык в Анатолии; прототигридский (банановый) и протоевфратский в Месопотамии; протошумерский на аравийском побережье Персидского залива и юга Месопотамии.⁴ По видимому, эпоха не-

¹ Дыбо В.А., Пейрос И. И. Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник Российской Академии Наук. 1985. № 2. С. 55-66.

² Соловьев Л.Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижнешиловское и Кистрик // Материалы по археологии Абхазии. – Тбилиси, 1967. С. 3-38.; Федоров Я.А. Этнокультурные связи Западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита // Вестник МГУ. Серия историческая. 1973. № 5. С.52-63.

³ Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Советская археология». 1978. № 3. С. 9-27.

⁴ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть I. Месопотамия. – М., 1983.; Иванов В. В. Об отношении хаттского языка к севернозападнокавказским. Древняя Анатолия. – М., 1985. С. 26-59.; Дьяконов И.М. О языках древней Передней Азии. Вопросы языкознания, 1954., №5. С. 43-64.; Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. – М., 1967. – 495 с.; Джаракян Р.В. Этнический состав населения к северу от долины реки Диялы (Ирак) в III т. до н. э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 3-16.

олита серьезно изменяет языковой ландшафт: если в период расселения *Homo sapiens* в эпохи верхнего палеолита и мезолита имел место постепенный переходный языковой ландшафт, то в эпоху неолита происходит процесс «стяжения» общин от периферии к центру. Идет процесс интеграции внутри локальных ареалов с формированием отдельных изолированных этнолингвистических массивов, а значит, и обособления более крупных этнолингвистических группировок.

К этому времени на Кавказе уже выделяются отдельные локальные археологические культуры, которые, видимо, и соответствуют распаду собственно прасеверокавказской общности. Тенденция к их обособлению уже заметна к началу мезолита. Уже к эпохе раннего неолита следует приурочить и контакты отдельных этнолингвистических общностей между собой. Возможно, к этому времени начинаются активные контакты с прасемитской общностью где-то на юге, на границах Кавказа и Передней Азии, продолжающиеся уже в историческое письменное время. Не исключено, что на Северный Кавказ, который был больше открыт к просторам Восточной Европы, могли проникать и группы иного происхождения, например праплатинического. Об этом свидетельствует и наличие какого-то промежуточного пласта, возможно, уже праиндоевропейского, между праабхазо-адыгским и пранахско-дагестанским на Северном Кавказе. Иначе сложно объяснить столь глубокие обособления в языках этих абхазо-адыгской и нахско-дагестанской групп, возможно, возникнув «однажды», они уже на очень раннем этапе были обособлены и развивались самостоятельно.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что самые ранние представители *Homo sapiens*, насельники Кавказа, в целом были изначально генетически родственны популяциям древних сапиенсов Ближнего Востока. Это дает право с большей вероятностью допустить и то, что первые сапиенсы, шедшие на Кавказ, уже, возможно, говорили на каких-то языках, в которых можно усматривать, вероятно, будущие языки прасеверокавказского облика. Они шли именно оттуда, где и предполагается рядом специалистов изначальная локализация и последующий распад прасинокавказской общности. Это получит должную оценку, а возможно, и подтверждение лишь тогда, когда наши знания обогатятся новыми открытиями в области палеоантропологии, археологии и лингвистики.